

А.Ф. Г-кен

Бетховен

Жизнь, личность, творчество. Часть 3. Творчество

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
Г11

Г11 **Г-кен А.Ф.**
Бетховен: Жизнь, личность, творчество. Часть 3. Творчество / А.Ф. Г-кен – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 232 с.

ISBN 978-5-518-06354-9

ISBN 978-5-518-06354-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

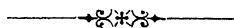
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Источники.

1. Арт. Шопенгауэръ. Мiръ, какъ воля и представленiе. Т. I и II. Пер. А. Фета и Н. Соколова. Спб. 1882 и 1893.
2. Куно Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Пер. В. П. Преображенскаго М. 1896.
3. А. Фуллье. Отрывки изъ сочиненiй великихъ философовъ. Пер. Николаева М. 1895.
4. Фр. Ницше. Происхожденiе трагедiи. Пер. Н. Полилова. Спб. 1903.
5. Морицъ Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитiемъ культуры и идеалы человѣчества Т. V. Пер. Е. Корша. М. 1875.
6. Ad. Bernhard Marx. Ludwig van Beethoven. Leben und Schaffen. 2 B. 5 Aufl. Berlin 1902.
7. Richard Wagner. Beethoven. 3 Aufl. Leipzig 1905.
8. Людв. Ноль. Бетховенъ, его жизнь и творенiя. Пер. В. Кронеберга 3 Т. М. 1892.
9. Людв. Ноль. Историческое развитiе камерной музыки. Пер. М. Иванова. Спб. 1882.
10. Theodor v. Frimmel. Lud. v. Beethoven. Berlin 1901.
11. Emil Naumann. Illustrierte Musikgeschichte. Stuttgart 1882 (русскiй переводъ, неоконченный, Спб. 1896--98).

12. Гуго Риманъ. Музыкальный Словарь. Пер. подъ ред. Ю. Энгеля. М. 1901.
13. Авг. Вильг. Амбросъ. Границы музыки и поэзи. Пер. И. Т. Спб. 1882.
14. Эд. Гансликъ. О музыкально - прекрасномъ. Пер. Г. Лароша. Спб. 1895.
15. Г. Берліозъ. Мемуары. Пер. Оссовскаго. Спб. 1896.
16. В. Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Спб. 1884.
17. Л. Саккети. Изъ области эстетики и музыки. Спб. 1896.
18. Н. Taine. Vie et opinions de M. Frédéric-Thomas Graindorge. Paris 1905.
19. Ант. Рубинштейнъ. Курсъ исторіи фортепьянной музыки (запис. Ц. Кюи.). Спб. 1889.
20. Ант. Рубинштейнъ. Музыка и ея представители. Спб. 1892.
21. Мод. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго 3 т. М. 1900.
22. П. Чайковскій. Музыкальные фельетоны и замѣтки. М. 1898.
23. А. Сѣровъ. Критическія статьи. 4 т. Спб. 1892—95. И другія сочиненія.

Авторъ этой книги—не музыкантъ, и, издавая ее, имѣетъ въ виду не музыкантовъ, а любителей музыки. Однако, не тѣхъ поверхностныхъ любителей, для которыхъ музыка только приправа къ физическому удовольствію или простая забава слуха, а тѣхъ серьезныхъ любителей музыки, которые въ большей или меньшей степени раздѣляютъ нижеслѣдующіе взгляды, высказанные относительно музыки философомъ А. Шопенгауэромъ, ученымъ Максомъ Мюллеромъ и музыкантомъ П. И. Чайковскимъ.

„Художественное воспріятіе предметовъ ищетъ отвѣта на вопросъ: что такое жизнь? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ такому воспріятію каждое истинное художественное произведеніе. На него же отвѣчаетъ и музыка, и притомъ *глубже*, чѣмъ всѣ другія искусства, такъ какъ она, на своемъ совершенно и непосредственно-понятномъ намъ языкѣ, который однако никогда не можетъ быть переведенъ на языкъ абстрактныхъ понятій—выражаетъ самую внутреннюю сущность всей жизни и бытія... Невыразимо-задушевное всякой музыки,—въ силу чего она проносится передъ нами, какъ вполне знакомый и тѣмъ не менѣе вѣчно далекій рай, такъ понятно и все-таки такъ необъяснимо—основано на томъ, что она возсоздаетъ всѣ движенія нашего сокровеннѣйшаго существа, но безъ всякой дѣйствительности и вдали отъ ея мученій“. (Шопенгауэръ).

„Я, можетъ быть, удѣлялъ музыкѣ слишкомъ много времени, но что оставалось бы въ жизни, если бы не

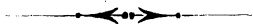
было музыки? Мнѣ не хотѣлось бы впадать въ неясность, либо въ несовсѣмъ ясное. Но будемъ откровенны, не заключаетъ ли въ себѣ музыка, лежащая въ основаніи всѣхъ искусствъ, нѣчто не принадлежащее землѣ? Гармонія и ритмъ могутъ быть подчинены извѣстнымъ законамъ, и въ этомъ смыслѣ математики, быть можетъ, правы, говоря, что математика есть музыка безъ звуковъ. Но откуда является мелодія? Несомнѣнно не изъ того, что мы слышимъ на улицѣ, въ лѣсу или на берегу моря! Ни исторія, ни эволюція не помогутъ намъ въ созданіи „Trockne Blumen“ Шуберта. Здѣсь или нигдѣ мы можемъ видѣть ту золотую лѣстницу, по которой ангелы спускаются на землю и напѣваютъ божественныя мелодіи тѣмъ, кто умѣетъ ихъ слушать“. (Максъ Мюллеръ).

„Доживши до очень зрѣлаго возраста, я ни на чемъ не остановился, не успокоилъ своего тревожнаго духа—ни на религіи, ни на философіи. Право, было бы отчего съ ума сойти, если бы не музыка. Вотъ въ самомъ дѣлѣ лучшій даръ неба для блуждающаго въ потемкахъ челоуѣчества. Она одна только просвѣтляетъ, примиряетъ и успокаиваетъ. Но это не соломинка, за которую только хватаешься, это вѣрный другъ, покровитель и утѣшитель, и ради него одного стоитъ жить на свѣтѣ... Музыка не обманъ,—она откровеніе. И въ томъ именно ея побѣдоносная сила, что она открываетъ намъ недоступныя ни въ какой другой сферѣ элементы красоты, созерцаніе которыхъ не временно, а навсегда миритъ насъ съ жизнью. Она просвѣтляетъ и радуетъ“. (П. Чайковскій).

Конечно, не нужно быть музыкантомъ, чтобы глубоко наслаждаться музыкой и благоговѣть передъ областью красоты, ею открываемой, какъ не нужно умѣть писать стихи или рисовать картины, чтобы глубоко наслаждаться поэзіей и живописью. Къ тому же, распространяя мысль, высказанную Сентъ-Бѣвомъ и Мюссе, слѣдуетъ признать, что большинство людей

носить въ своей душѣ умершаго художника ¹⁾. Способность же наслаждаться прекраснымъ, „благоговѣть передъ святыней красоты“, оставленной людямъ великими художниками, вызываетъ и живѣйшее чувство благодарности къ этимъ свѣточамъ челоуѣчества. Вотъ оправданіе тому, что авторъ—не музыкантъ—сталъ писать книгу о величайшемъ музыкантѣ.

Но Бетховенъ былъ не только великій художникъ въ области музыки, онъ былъ и великое сердце, и высокую степень наслажденія доставляетъ знакомство съ его нравственною личностью. Вотъ второй аргументъ въ защиту автора. Наконецъ, если бы всего сказаннаго было все-же недостаточно, чтобы оправдать смѣлую рѣшимость автора этой книги, у него не найдется другого оправданія, какъ то, что она—результатъ очарованія, какъ-бы посмертнаго гипноза, производимаго гениальнымъ художникомъ. А художественный гений—по выраженію А. Н. Сѣрова—есть „высшая эманация Божественной Мысли, одушевляющей вселенную“.

¹⁾ „Il existe chez les trois quarts des hommes un poète mort jeune, a qui l'homme survit“. Sainte-Beuve. „En nous il existe souvent un poète endormi, toujours jeune et vivant“. Alfred de Musset.

ГЛАВА I.

Процессъ и объемъ творчества Бетховена.

„Das Genie ist eine Intelligenz, die
als Natur wirkt“.

Kant.

Актъ творчества, котораго корни скрыты въ бессознательной глубинѣ человѣческаго духа, а плоды представляютъ совершеннѣйшія созданія этого духа, всегда считался явленіемъ таинственнымъ, а люди, въ которыхъ этотъ процессъ протекалъ съ особенной силой и богатствомъ результатовъ, признавались полубогами, гениями. Глубокая загадочность и величіе этого процесса заставляли думать, что люди, погруженные въ него, одержимы божествомъ или демономъ (въ благомъ значеніи этого слова), что они, по выраженію Платона, находятся въ состояніи „божественнаго безумія (*θεια μανία*) или „*amabilis insania*“, по выраженію Горация. Не подлежитъ сомнѣнію, что творческій процессъ есть величайшій духовный актъ, на который только способна природа человѣка, что онъ совершается въ бессознательной глубинѣ человѣческаго духа, сопровождается состояніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „вдохновенія“ или „наитія“, и требуетъ величайшаго напряженія всѣхъ силъ этого духа. Всѣ тѣ, кто испыталъ на себѣ работу творчества, одинаково свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ душевномъ волненіи и напряженіи, которыми сопровождается эта ра-

бота духа. Въ періодъ творческой дѣятельности все существо человѣка потрясается до его основанія, душа и тѣло испытываютъ жаръ и холодъ, какъ въ лихорадкѣ, и то, что долго таилось и зрѣло на днѣ души, напряженнымъ усиліемъ, внезапно выводится внаружу.

Послѣ такого состоянія напряженія душевныхъ силъ, во время котораго человѣкъ какъ-бы выходитъ изъ самого себя, пребываетъ въ состояніи „изступленія“, естественно наступаетъ реакція, состояніе изнеможенія и полного упадка силъ, для полного возстановленія которыхъ требуется продолжительный отдыхъ. Карлейль признавался, что онъ никогда не могъ написать своихъ книгъ безъ того, чтобы не сдѣлаться совершенно больнымъ отъ этой тяжелой работы. Такое чрезвычайное напряженіе душевныхъ силъ производитъ не только временное ослабленіе, но иногда и полное разрушеніе организма, и бываетъ причиной тяжкихъ формъ болѣзни духа и преждевременной смерти тѣлесной его оболочки. „Необыкновенные умы—говоритъ Монтэнъ—разрушаютъ сами себя, вслѣдствіе своей силы, соединенной съ хрупкостью“.

И однако вся эта великая и величественная творческая работа духа скрыта не только отъ взора посторонняго наблюдателя, но и отъ самого творца. Душевная дѣятельность человѣка въ періодъ творческаго вдохновенія составляетъ не только тайну для другихъ, но и для него самого, и хотя онъ сознательно относится къ своей работѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой работѣ проявляется нѣчто такое, что дѣйствуетъ самостоятельно, совершенно помимо сознанія и личной воли творца, какъ стихійная сила природы. „Das Genie ist eine Intelligenz, die als Natur wirkt“—говоритъ Кантъ.

Мы, посторонніе наблюдатели, видимъ и восхищаемся результатомъ творческаго процесса, но его возникновеніе, ходъ и развитіе остаются въ своей сущности непостижимыми не только для насъ, но и для

самого его носителя. Шопенгауэръ сравнивалъ процессъ духовнаго творчества съ процессомъ рожденія живыхъ существъ и говорилъ: „Я самъ не понимаю возникновенія моего произведенія, какъ мать не понимаетъ возникновенія въ ея тѣлѣ ребенка. Я только чувствую его и говорю, какъ мать: во мнѣ зрѣетъ плодъ“.

Факты изъ исторіи творческой дѣятельности Бетховена вполне подтверждаютъ все только-что сказанное о творествѣ вообще. Изъ данныхъ его біографіи извѣстно, что творческій процессъ совершался въ немъ преимущественно въ то время, когда онъ, вполне погруженный въ свои мысли, бродилъ по улицамъ Вѣны, или по полямъ и лѣсамъ среди сельской природы. Записная тетрадь и карандашъ, которыхъ онъ никогда не забывалъ захватить съ собой, служили ему для того, чтобы закрѣпить на бумагѣ музыкальныя мысли, приходившія ему въ голову во время этихъ прогулокъ, въ теченіе которыхъ его душа не переставала работать надъ пріискиваніемъ и комбинаціей музыкальныхъ темъ. Иногда вдохновеніе посѣщало его и въ то время, когда онъ уединенно сидѣлъ за стаканомъ вина или пива въ ресторанѣ, или же внезапно осѣняло его въ часъ обѣда или во время разговора.

Вотъ, что рассказываютъ ближайшіе друзья Бетховена, Рисъ и Шиндлеръ, объ его ежедневныхъ продолжительныхъ и богатыхъ творческими плодами прогулкахъ. Во время одной изъ такихъ лѣтнихъ прогулокъ, въ 1806 году, Бетховенъ, по разсказу сопровождавшаго его молодого Риса, ушелъ такъ далеко, что могъ вернуться въ Дѣблингъ, гдѣ онъ тогда проживалъ, только въ 8 час. вечера. Все время прогулки онъ ничего не говорилъ, но что-то напѣвалъ про себя, то повышая, то понижая голосъ, не издавая однако никакихъ опредѣленныхъ мелодій. Зная его привычки, Рисъ все время хранилъ молчаніе; но замѣтивъ, что они ушли ужъ очень далеко отъ дома, рѣшился спро-

силь его, что съ нимъ дѣлается. „Мнѣ пришла въ голову тема для послѣдняго аллегро сонаты“—отвѣтилъ Бетховенъ. Дѣло шло о чудной сонатѣ *appassionata* (ор. 57). Какъ только они вернулись домой, Бетховенъ, не снимая даже шляпы, бросился къ фортепіано, а Рису молча опустился на стулъ. Болѣе часа Бетховенъ бралъ аккорды, напѣвалъ и наигрывалъ свои музыкальныя мысли; наконецъ, онъ всталъ, глаза его горѣли огнемъ вдохновенія, лицо сіяло; онъ очень удивился, увидѣвъ въ своей комнатѣ Рису. „Мой другъ—сказалъ онъ ему съ улыбкой—я не могу давать вамъ сегодня урока; простите, я долженъ работать“.

Какого огромнаго напряженія душевныхъ силъ требовала творческая работа Бетховена надъ капитальными его произведеніями видно изъ приведеннаго уже въ его біографіи разсказа Шиндлера о томъ времени, когда великій музыкантъ былъ погруженъ въ созданіе своей гениальной „*Missa solemnis*“ (1818 — 1822 гг.). „Я долженъ сознаться—говоритъ Шиндлеръ, вспоминая его тогдашнее состояніе величайшаго возбужденія,—что никогда ни до, ни послѣ того времени не замѣчалъ въ немъ такого состоянія абсолютной отрѣшенности отъ всего земного“. Однажды, заставъ Бетховена въ самомъ разгарѣ его работы, онъ увидѣлъ его въ состояніи полнѣйшаго изнеможенія. Черты лица его были искажены, потъ лился съ него градомъ. Во весь періодъ созданія *Missa solemnis*, Бетховенъ находился въ такомъ состояніи полного экстаза. Иногда подолгу лежалъ онъ подъ деревомъ, устремивъ неподвижный взоръ въ небо, вполне отрѣшившись отъ всего земного. „Все существо его—говоритъ Шиндлеръ—точно преображалось; онъ казался совсѣмъ помѣшаннымъ, когда писалъ *Credo* и *Benedictus*“.

Но и въ другіе періоды работа творчества требовала, если и не такого, то все-же великаго напряженія душевныхъ силъ. Извѣстно, что приливы крови къ его головѣ, во время напряженной работы творчества, были